

Михаил Андреевич Осоргин, урождённый Ильин (1978 – 1942) – представитель старшего поколения первой волны русской эмиграции XX века. Человек широких дарований и интересов – критик, публицист, прозаик, заядлый библиофил, тонкий знаток русского языка – на фоне писателей и мыслителей русского зарубежья он отличался тем, что можно определить через метафору Боратынского – «лица не общее выраженье».

Во многом Осоргин «сделал себя сам». Между тем, его нравственный облик, лучшие качества его характера определила его семья. Он родился в семье обедневших провинциальных дворян, в уральской глубинке – в Перми. Отец будущего писателя, юрист по образованию и роду деятельности, был либералом-шестидесятником, принимавшим участие в разработке крестьянской и судебной реформ. Мать, блестяще окончившая педагогический институт в Варшаве, знавшая несколько языков, всецело посвятила себя семье – Михаил был шестым ребенком. О. Г. Ласунский, один из первых серьёзных исследователей творчества Осоргина в России, особо подчёркивает факт «выхода» писателя из «российской глубинки», благодаря чему он «навсегда сохранил сочувствие и даже нежность к угловатой фигуре интеллигента-провинциала, который, не тратя лишних слов, изо дня в день распахивал окаменевшую духовную ниву» [6, с. 7].

Уже в гимназии Михаил стал писать и посылать свои статьи и заметки в разные редакции. Его первой публикацией, ещё в бытность гимназистом, стал рассказ «Пермяк», напечатанный в петер-

бургском «Журнале для всех». И всё же будущий писатель предпочёл пойти по стезе отца, поступив на юридический факультет Московского университета. Пребывание Осоргина в стенах университета совпало с начавшимися студенческими беспорядками, в которых он принимал участие. Накануне первой русской революции он примкнул к левому крылу эсеров, хотя особой роли в их деятельности не играл. После Московского восстания 1905 года, с которого, собственно, и началась революция, Осоргин был арестован – власти его спутали

с однофамильцем-эсером, известным террористом. Пока прокручивалась бюрократическая машина, выясняя личность Осоргина, он в течение полугода просидел в Таганской тюрьме в ожидании возможного сурового приговора. Потом Осоргина выпустили под большой денежный залог, и он, чтобы не искушать судьбу, бежал в Финляндию, а затем в Италию.

Бегство обернулось для Осоргина десятилетней эмиграцией. Он страшно тосковал по родине, и его выручала только работа: эмигранта Осоргина охотно печатали в журналах «Русское богатство», «Вестник Европы», «Вестник воспитания». С мая 1908 года он стал постоянным корреспондентом солидной московской газеты «Русские ведомости». Основная часть журнально-газетных публикаций со временем составила у Осоргина первую книгу – «Очерки современной Италии», опубликованную в Москве в 1913 году. Здесь, на берегу Тибра, в 1908 году Осоргин познакомился с Борисом Зайцевым, которому показывал Рим. В своей книге очерков «Братья-писатели» Зайцев так писал об Осоргине: «Нам с женой сразу он понравился – изяществом своим, приветливостью, доброжелательством, во всём сквозившим. Очень русский человек, очень интеллигент русский – в хорошем смысле, очень с устремлениями влево, но без малейшей грубости, жестокости позднейшей левизны русской. Человек мягкой и тонкой души» [5]. О «совершенной порядочности, благородстве, независимости и бескорыстии» Осоргина пишет М. Алданов, лично с ним знакомый и хорошо его знавший. Он же отмечал и принципиальную «беспартийность» Осоргина, который, по его наблюдениям, после бегства за границу в 1906 году «больше он ни в каких партиях ... никогда не состоял. Трудно было бы себе представить менее “партийного” человека. Удивляюсь, как он мог быть в партии, хотя бы в ранней молодости и очень недолго» [3].

Это замечание Алданова требует своего комментария. Осоргин был поразительно независимым человеком, всегда дорожившим правом личности на вольный полёт мысли, не скованной никакими предрассудками – ни сословными, ни религиозными, ни социальными. Будучи дворянским отпрыском, он на жизнь всегда зарабатывал своим собственным трудом. Осоргин не стремился к материальному достатку, был абсолютно равнодушен к деньгам. Известно, что он щедро поделился своим большим гонораром за американское издание романа «Сивцев Вражек» (1928) с окружающими его людьми. По свидетельству М. В. Вишняка, редактора эмигрантских «Современных записок», где активно печатался Осоргин, писатель легко раздавал «любому просителю безвозвратную ссуду под одним условием, – чтобы тот обещал в свою очередь помочь ближнему, когда представится возможность» [4, с. 193].

Осоргин последовательно развивал в себе мирозерцание демократа, который предпочитает материальному достатку роскошь внутренней свободы. Себя он любил называть кипплинговской «кошкой, которая гуляет сама по себе», мечтателем-одиночкой. В своей последней книге «Времена» он говорил о своём кровном родстве с «кавалерами осмеянного ордена русских интеллигентных чудаков» [1].

В 1914 году Осоргин вступил в масонскую ложу. В традиционном масонстве Осоргина привлекали уход от политики, от грубой злобы дня, приоритет вечных моральных ценностей. Он досконально изучил ритуальные таинства масонов, подбирал и читал старинную литературу по этой части и даже в 1937 году написал повесть о масонах «Вольный каменщик». В ней он вывел образ простого русского человека, казанского чиновника Егора Егоровича Тетёхина, который, оказавшись в Париже, был принят в масонскую ложу, где его сознанию и душе открылся новый взгляд на мир и людей.

В 1916 году Осоргин вернулся в Россию. Февральскую революцию он принял безоговорочно. К Октябрьской же революции отношение его было более сложным. В книге «Времена» он признает, что «...Февраль немислим без Октября. Был неизбежен и был нужен полный социальный переворот, и совершиться он мог только в жестоких и кровавых формах», но тут же отмечает, что его «...чувство не могло никогда оправдать возврата к организованному насилию, к полному отказу от того, что смягчало в наших глазах жестокость минут переворота, – отказу от установления гражданской свободы, осуществления основ наших мечтаний» [1].

Тем не менее, Осоргин не принял после Октября позицию стороннего наблюдателя. Неуёмная жажда деятельности постоянно

его толкала в эпицентр разнообразных общественных дел. В 1920 году он избран вице-председателем только что организованного Всероссийского союза писателей. Заядлый библиофил, он организовал кооперативную Книжную лавку писателей. В 1921 году по просьбе режиссёра Е. Б. Вахтангова, руководителя 3-й Студией МХТ, Осоргин переводит «Принцессу Тудандот», постановка которой положила начало новому театру.

В июне 1921 года Осоргин вошёл в Комитет Помощи голодающим Поволжья (Помгол). Но через два месяца он, как и всё руководство Комитета, был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. От расстрела комитетчиков спасло заступничество Ф. Нансена. После трёх месяцев сидения в подвале Лубянки Осоргин был сослан в Казань, где им были сделаны первые наброски будущего романа «Сивцев Вражек». Через полгода ему позволили возвратиться в Москву. Но уже осенью 1922 г. Осоргин в числе наиболее активных «внутренних мигрантов», состоящих из видных киевских, московских и петроградских профессоров, был выслан морским путём «бессрочно» в Берлин. В 1923 году писатель перебирается в Париж, который вскоре становится духовным центром русской эмиграции. Характерно, что Осоргин никогда не считал себя эмигрантом и никогда не отказывался от своего советского паспорта, не пытался принять гражданство какой-либо европейской страны. Это делало его «белой вороной» в эмигрантских кругах, в целом непримиримо настроенных по отношению к «Совдепии».

За рубежом началась активная литературная деятельность М. Осоргина. Здесь, вдали от России, яркий и талантливый критик и публицист становится не менее ярким и очень самобытным русским писателем. Именно в эмиграции – по утверждению Алданова – вышли «главные и лучшие книги» Осоргина. Любопытно, что глубокое погружение Осоргина в литературное творчество было вызвано его безукоризненно честной позицией относительно источников заработка. Если многие авторы-эмигранты широко пользовались деньгами, собранными на благотворительных акциях, балах, всякого рода вечерах, то Осоргин никогда не прибегал к такому способу получения денег. Он предпочитал трудиться в поте лица. Например, только в авторитетной парижской газете «Последние новости» он публиковался в течение ряда лет практически еженедельно. А ведь он ещё регулярно печатался в эмигрантских газетах «Дни», «Последние новости», журнале «Современные записки» и других изданиях. Он также много переводил с итальянского, совмещал работу писателя и журналиста с деятельностью редактора литературного отдела газеты «Дни».

Примечательно, что в самой крупной эмигрантской газете «Последние новости», возглавляемой одним из лидеров эмиграции П.Н. Милюковым, Осоргин писал в основном на неполитические темы и постоянно представлял на её страницах новинки советской литературы, а в парижских эмигрантских журналах регулярно публиковал произведения советских писателей, утверждая, что «русская литература не может не быть для нас единой»². Свои многочисленные заметки и этюды, публикуемые в «Последних новостях», Осоргин оформлял в виде тематических серий. За 14 лет сотрудничества в этой газете им были написаны 17 циклов-книг. Среди них «Дневник робкого заезжего человека» (1923–1925), «По полям словесным» (1927), «Заметки старого книгоеда» (1928–1934), «Письма обитателя» (1932), «Встречи» (1933–1934), «Книжные новости» (1934–1936), «Литературные размышления» (1937–1939) и др.

Исследователи отмечают, что произведения Осоргина несут на себе печать художественных особенностей эмигрантской прозы первой волны, отмеченной модернистским размытием жанровых границ, автобиографичностью, ярко выраженным лирическим компонентом, повышенным интересом к истории России. С другой стороны, в идейно-художественном плане они очень своеобразны [9: с. 60].

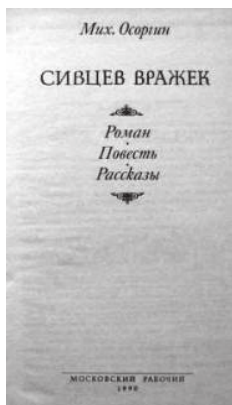
Осоргин – бесспорный мастер малого жанра, что во многом объясняется формированием его писательского таланта в русле журналистской деятельности. Его многочисленные эссе и заметки отмечены сквозным «сюжетом», позволяющим автору объединять их в «книги». «Блёстки юмора», склонность к иронии, тем не менее, не исключая лирической, а иногда и сентиментальной интонации, умение воспроизводить мир и человека неординарно и, вместе с тем, узнаваемо, тонкое чувство языка и богатый арсенал изобразительных средств, наконец, общий «светлый тон» повествования, – всё это делало произведения Осоргина очень привлекательными для самого широкого читателя.

В осоргинских рассказах и очерках читатель погружался в деревенский и городской провинциальный быт России, бродил по московским улочкам. Осоргин в эмиграции очень редко писал о Франции или о какой-либо другой европейской стране (исключение делалось только для любимой Италии), хотя он хоро-

² Вишняк пишет, ссылаясь на публикации Осоргина в «Современных Записках», что тот «защищал необходимость международного признания советской власти и оспаривал противопоставление советской России – России. Он отдавал предпочтение художественному творчеству в советской России перед творчеством в эмиграции». См.: [4: с. 197–198].

шо знал французскую жизнь. К. Мочульский, русский критик и литературовед, отмечал, что «наивность» и «провинциальность» авторского взгляда Осоргина на изображаемые им явления и события несут в себе «художественный расчёт», «связанный со всей его литературной манерой». Такой взгляд мотивирует несколько «старомодный» стиль письма, восходящий к традициям русской реалистической классики XIX века (Тургенев, Аксаков), определяет умилительно-чувствительный тон повествования и привносит ту особую теплоту, автобиографическую интимность рассказа, при которой нота тоски никогда не переходит в «надрывность». Критик видел в этом своеобразный «выход» Осоргина за рамки современной модернистской литературы: «...литератором в том смысле, в каком это понимают теперь, после Пруста и Жида, писателем-модернистом, Осоргин быть не может и не хочет». Мочульский называет этот «выход» «блестящим»: «У читателя полная иллюзия простоты и правды: все надоевшие ему литературные условности как будто преодолены. ... Читателю кажется, что люди и предметы, о которых говорит Осоргин, существуют сами по себе, независимо от писателя; он входит в этот давно исчезнувший прекрасный мир, узнаёт знакомое и забытое, живёт в нём, не оглядываясь на автора; а тот стоит в сторонке, в скромной роли гида» [7].

Несмотря на явное тяготение Осоргина к жанрам литературной миниатюры, ему удавались и крупные повествовательные жанры. Его высшим достижением оказался роман «Сивцев Вражек», выдержавший в Париже подряд сразу два издания (1928, 1929). Необычайный успех он имел в Соединенных Штатах Америки, где его английский перевод был отмечен Книжным клубом специальной премией как «лучший роман месяца» (1930).

Символическая многозначность романа зафиксирована уже на уровне его названия. Сивцев Вражек, расположенный в самом сердце Москвы, неподалеку от Арбата, до революции был местом «обитания» элиты московской интеллигенции. То есть, уже само заглавие романа настраивало читателя на восприятие драмы лучших представителей русской интеллигенции периода революции и Гражданской войны. Роман охватывает время с 1914 по 1920 гг. В первой части романа описывается жизнь старого профессора-орнитолога и его внучки Тани в тихом и уютном профессорском особняке на

Сивцевом Вражке. В этот мир, полный духовности и гармонии, вторгается хаос революции, подвергающей героев страшным испытаниям. Обрушивается уютный и душевный мир, гибнут близкие и знакомые героини. Кто-то кончает жизнь самоубийством, кто-то сходит с ума, кого-то расстреливают. Новые социальные условия порождают новый тип людей, выдвигают на авансцену жизни лицемеров-приспособленцев, хамов и палачей. Осоргин показывает, как может власть в сочетании с насилием развратить человека, убить в нём всё человеческое. Но в людях революционной эпохи писатель видит не только моральную деградацию. Те, кто способен противостоять революционному террору и хаосу, для Осоргина являются залогом выздоровления русского человека. Особенность оценки событий революционной эпохи у Осоргина заключается в том, что писатель стремится к объективности. В романе он приходит к мысли о невозможности, как безусловного оправдания, так и тотального обвинения той или другой противоборствующей стороны. Он пишет: «Было бы слишком просто и для живых людей и для истории, если бы правда была лишь одна и билась лишь с кривдой: но были и бились между собой две правды и две чести, – и поле битвы усеяли трупами лучших и честнейших» [2].

«Сивцев Вражек» в жанровом отношении неоднозначен. Эту неоднозначность отмечали уже современные писателю критики, видя в этом романе черты дневника, хроники, автобиографии. Б. Зайцев обратил внимание на бесфабульность «Сивцева Вражка», свободную компоновку частных сцен и исторических событий, выдвигание на первый план лирико-философского начала. Г. Струве отметил соединение традиционного («старомодного») стиля повествования с «новейшей» кинематографической композицией. Этот кинематографический принцип, предполагающий быструю смену общих и крупных планов, вполне соответствовал выработанной Осоргиным манере повествователя-миниатюриста, умеющего под определённым тематическим углом объединять миниатюрные тексты в общую картину жизни. Кроме того, подобное композиционное структурирование повествования позволяло автору предельно «спрессовывать» романное время, объединяющее историческую и частную жизнь. Калейдоскоп разнородных сценок, лишённых чёткого фабульного стержня, но объединённых философско-поэтическим, лирическим пафосом, удачно передаёт ощущение безбрежного «космоса» бытия, в котором не напрасно никакое живое существо, включая мышку и даже муравья.

Безусловной удачей Осоргина стала его «Повесть о сестре» (1931), написанная в чеховском ключе. Объектом внимания пи-

сателя здесь стала повседневность как таковая, поданная как бы в «пастельных» тонах. Осоргину удалось в повести убедительно раскрыть драматизм обычной, «мимотекущей» жизни русской женщины, чья судьба отмечена печатью интенсивных идейных и моральных исканий.

Далее последовал исторический роман о террористах «Свидетель истории» (1932) и его своеобразное продолжение – «Повесть о концах» (1935). Талант тонкого стилизатора и комического повествователя у Осоргина в полной мере раскрылся в «Повести о некоей девице. Старинные рассказы» (1938). Сюжеты этих рассказов писатель заимствовал в старых беллетристических сборниках XVIII века. Здесь он добивается поразительного художественного эффекта, благодаря словесной игре, в которой он сталкивает архаические и новые языковые формы и смыслы.

Жизнь Осоргина круто изменилась с началом Второй мировой войны. В июне 1940 года вместе с женой он покидает Париж и поселяется в маленьком городке Шабри, на территории вишистской Франции. Уже тяжело больной, он продолжает много работать. Для нью-йоркской газеты «Новое русское слово» М. Осоргин пишет цикл очерков – своеобразный репортаж о житье в Шабри, о мытарствах человека, сорванного военным вихрем с насиженного гнезда. В 1946 году в Париже эти очерки будут опубликованы в виде книги «В тихом местечке Франции». Другой осоргинский цикл, представленный в этой же газете – «Письма о незначительном» – также потом будет издан сборником в Нью-Йорке (1952) с предисловием Марка Алданова. В этих очерках, находясь под боком у немцев, рискуя быть арестованным в любой момент, Осоргин смело обличал фашистов, а после вовлечения в европейскую мясорубку Советского Союза свою позицию он определил с предельной ясностью: «... если не телом, то всей душой с русским народом, против иноземного врага».

27 ноября 1942 года во время очередного приступа сердце Осоргина остановилось. Уже после смерти писателя увидела свет последняя его книга «Времена», особо ценимая Осоргиным. Критики с полным правом её относят к лучшим образцам отечественной мемуаристики. Но это не только автобиографическое повествование, это портрет эпохи со всеми её противоречиями, на фоне которой представлена история духовного становления и взросления юного провинциала, ввергнутого в пучину революционного хаоса. Особую прелесть последней книге Осоргина придаёт интонация удивительной естественности.

Итак, в творчестве М. Осоргина органично сошлись традиции русской классической прозы XIX века и новейшие литературные искания постреволюционной эпохи, выразившиеся в литературе первой волны русской эмиграции. Его творчество отразило характерные для эмигрантской литературы черты – диффузию жанровых форм, автобиографичность, повышенный лиризм, стремление к циклизации малых жанровых форм, создающие эффект всеохватности бытия. Сквозным мотивом через всё его творчество проходит любовь к России – дореволюционной и послереволюционной. Творческий феномен Осоргина выразился не только в гуманистическом пафосе его произведений, таланте прозорливого наблюдателя жизни, но и в стилистической сфере, особом чувстве русского языка, проявлявшегося как в дерзких языковых экспериментах, так и в ясности и чистоте письма.

Литература

1. Осоргин М.А. Времена. [URL] режим доступа: <https://profilib.net/chtenie/105144/mikhail-osorgin-vremena-6.php>
2. Осоргин М.А. Сивцев Вразжек [URL] режим доступа: <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/41176-mihail-osorgin-sivtsev-vrazhek.html>
3. Алданов М. А. Предисловие к книге М. А. Осоргина «Письма о незначительном» [URL] режим доступа: <https://culture.wikireading.ru/75230>
4. Вишняк В. М. «Современные записки». Воспоминания редактора. Indiana University Publications Graduate School, 1957. – 335 с.
5. Зайцев Б. Братья-писатели [URL] режим доступа: <http://e-libra.su/read/104557-bratya-pisateli.html>
6. Ласунский О. Г. В споре с эпохой // Осоргин М. А. Воспоминания. Повесть о сестре. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1992. – С. 5–24.
7. Мочульский К. В. М. А. Осоргин. «Чудо на озере». Изд-во «Современные записки». Париж. 1931 [URL] режим доступа: http://az.lib.ru/m/mochulxskij_k_w/text_1931_mih_osorgin.shtml
8. Русские писатели 20 века: Биографический словарь / гл. ред. и сост. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия: Рандеву – А. М., 2000. – 808 с.
9. Строганова И.А. Проза М. Осоргина: подходы к изучению // Вестник Университета Российской академии образования. №1. 2014. С. 60–65.